

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (ЧЕТВЕРТЫЕ БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)” (г. НИЖНИЙ НОВГОРОД, 23–24 МАЯ 2013 г.)

В мае 2013 г. на базе Нижегородской академии МВД России были проведены ставшие уже традиционными IV Бабаевские чтения в формате Международной научно-практической конференции на тему: “Государственно-правовые закономерности: теория и практика”.

Тематика конференции вызвала живой отклик в среде как ученых, так и практиков, занятых в различных сферах профессиональной деятельности. В обсуждении вопросов приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Самары, Ярославля, Новосибирска, Владимира, Перми, Волгограда, Саратова, Воронежа и других городов, а также гости из ближнего зарубежья – Харьковского национального университета внутренних дел Украины, Академии МВД Республики Беларусь.

Профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского гос. ун-та, доктор юрид. наук Н.Н. Вопленко в своем докладе “О понятии государственно-правовых закономерностей” отметил, что любая наука имеет своим предметом закономерности бытия объекта познания. Поэтому в теории государства и права изучаются наиболее социально значимые основные закономерные связи политико-правовых явлений, имеющие характер тенденций в сознательной и целенаправленной деятельности людей. Социальная, в том числе и государственно-правовая, закономерность производна от философского понятия “закон” как существенной, устойчивой, общей, необходимой и повторяющейся связи явлений. Но если закон выражает устойчивую объективную неизбежность во взаимосвязях явлений, то закономерность выступает в качестве доминирующей тенденции развития, в проявлении которой значительную роль играет сознательная и целеустремленная человеческая деятельность. Тенденциозность здесь выглядит как целенаправленная и предсказуемая государственно-правовая деятельность, основанная на причинно-следственных связях способов и форм деятельности с ее результатами. Это означает, что государственно-правовая закономерность характеризуется таким признаком, как деятельность субъектов в сфере государства и права, имеющая значение позитивного или негативного результата для политико-правового развития и проявляющаяся в виде устойчивой тенденции. В этой связи можно выделять глобальные, понятийно-структурные и функциональные закономерности.

В целом же государственно-правовая закономерность есть объективная, устойчивая связь политико-правовых явлений, с необходимостью выражающаяся в социально значимой деятельности субъектов в виде доминирующей тенденции, существенно влияющей на развитие государства и права.

Заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова, доктор юрид. наук, доктор ист. наук, проф. А.М. Лушников, сделал до-

клад на тему “Закономерности и тенденции развития права (Общеправовой и отраслевой аспекты)”.

По мнению выступавшего, можно вывести следующие признаки, отличающие закономерности от тенденций: 1) закономерности всегда ретроспективны, тогда как тенденции – перспективны; 2) закономерности служат основой для определения тенденций, так как последние можно условно назвать “предзакономерностями будущего развития”; 3) тенденции связаны с разными по содержанию видами закономерностей; 4) закономерности представляют собой варианты наиболее жесткой и последовательной связи государственно-правовых явлений, как правило, более продолжительны и универсальны; 5) закономерности выражают преимущественно онтологическую, гносеологическую и эвристическую функции теории государства и права, тенденции, напротив, связаны преимущественно с прогностической функцией; 6) закономерности и тенденции являются научной абстракцией, однако закономерности по своему содержанию более объективны.

Отмечено, что в отраслевом аспекте трудовые права и свободы как общесовременные ценности остаются в арсенале трудового права XXI в. Эту устойчивую тенденцию уже сейчас можно считать закономерностью. Очевидна и генеральная тенденция экспансии трудового права в сферу регулирования общественных отношений, связанных с трудом.

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического ин-та (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юрид. наук И.Л. Честнов затронул проблему постклассического измерения закономерностей права.

Отмечая изменения, которые произошли в современном мировоззрении, автор приходит к выводу, что постклассическая (постнеклассическая) картина мира трансформирует сложившиеся в философии и науке Нового времени представления о закономерностях, и прежде всего социальных. Социальные закономерности, в том числе юридические, – это, с позиций “постклассики”, статистические, вероятностные зависимости между социальными явлениями. В то же время они являются принципиально условными и зависят от исторического и социокультурного контекста, т.е., обстоятельств места и времени. Проявляются они лишь в большой совокупности явлений и могут отсутствовать в отдельных случаях. Кроме того, они, юридические закономерности, реализуются человеческими практиками во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими социальными (экономическими, политическими, культурными и др.) и психическими тенденциями.

Правовые закономерности, полагает И.Л. Честнов, проявляются в интерактивных взаимодействиях, включающих

материальную и идеальную (психическую) стороны. Они объективны, так как не зависят от воли и желания отдельно взятых людей – носителей статуса субъектов права, и одновременно субъективны, так как реализуются через действия и ментальную активность людей. Правовые закономерности, как и все правовые явления, конструируются “первичным произволом” (по терминологии П. Бурдые), а не объективно заданы “природой вещей”. Лишь многократная практика их воспроизводства широкими слоями населения превращает этот “произвол”, ограниченный множеством социальных обстоятельств, в видимость “объективной данности”.

Правовые закономерности, по мнению И.Л. Честнова, выступают частным случаем, моментом социальных закономерностей. Право, как и правовые закономерности, – это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами (закономерностями), вне и без которых право не существует, и с обществом как социальным целым. Нет правовых явлений (законов, индивидуальных правовых актов, правоотношений) и тем самым закономерностей права, которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л.И. Петражицкий), экономическими, политическими и т.д., в широком смысле – социокультурными феноменами, закономерностями.

Генерал-майор внутренней службы, начальник ФБОУ ВПО Самарского юридического ин-та ФСИН России, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов акцентировал внимание на *методах измерения государственно-правовых закономерностей* и сформулировал ряд ключевых положений. Закономерность вообще и государственно-правовая закономерность, в частности, есть свойство исторического процесса. Изучение закономерностей позволяет проанализировать ретроспективную динамику исторического развития исследуемого объекта и сконструировать гипотетическую модель его состояния в обозримой перспективе.

В отличие от формационного подхода, в рамках циклической истории следует выделять закономерности двух типов: закономерности развития в рамках длящегося цикла и закономерности смены циклов.

Закономерности государственно-правового развития в рамках длящегося цикла измеряются событиями, характеризующими возникновение и становление государственных институтов и механизмов правового регулирования (это своего рода рождение и юность государства), фазу государственно-правового “среднего возраста”, характеризующего стабильное состояние государственно-правового развития, государственно-правовую аномию, обуславливающую снижение эффективности государственно-правового управления, нарастание кризисных тенденций и обусловленной этими тенденциями социальной напряженности, пиком кризиса является политико-правовой хаос, фактическое безвластие – охлократия. Возникновение нового государства и права происходит в условиях открытого гражданского конфликта и во всех случаях связано с установлением диктаторской авторитарной формы правления.

Закономерности смены циклов определяются по методике кругового и спирального развития. Круговой цикл в прямом смысле “замкнут на себя”. Всякий раз в конечной фазе происходит обнуление баланса, история начинается с отрицания позитивного опыта предшествующего периода и его негативной критики, осуществляемой идеологами “новой” государственно-правовой политики. Развитие по спирали предполагает использование наследия прошлого, выраженного в государственно-правовой традиции и культуре для

формирования государственно-правового настоящего. Спираль не обязательно означает прогресс как форму улучшения политико-правовой реальности, но это в любом случае качественное изменение ее смысла и содержания.

Доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и госслужбы, канд. юрид. наук Ю.Ю. Ветютнев рассмотрел *государственно-правовые закономерности в аксиологическом контексте*. По его мнению, закономерности и ценности – два важнейших упорядочивающих начала правовой жизни. Государственно-правовую закономерность можно кратко определить как объективную, систематическую повторяемость взаимосвязанных фактов в сфере государства и права. Правовые ценности, в свою очередь, могут быть определены как типичные социальные предпочтения, получающие официальное нормативное признание и защиту. Сходство этих явлений прослеживается по нескольким признакам: 1) динамика. И закономерности, и ценности реализуются в ситуации правовых изменений; 2) рутинность. Закономерности и ценности в сфере права – это факторы, проявляющиеся в массовом, типичном, многократно воспроизводимом человеческом поведении; 3) мотивация. Закономерности и ценности в своем действии опосредованы психологическими механизмами; именно государственно-правовые закономерности представляют собой тот фактор, под действием которого люди формируют свою систему правовых ценностей (благ) и выбирают способ их достижения. Ценности, в свою очередь, являются формой мотивации; именно ценностные ориентации людей, участвующих в правовой жизни, дают ей энергию развития.

Взаимодействие закономерностей и ценностей в сфере права имеет две основные формы. Во-первых, оно выражается в закономерностях ценностной трансформации права. Примером может служить эгалитаризация, т.е. усиливающееся значение такой ценности, как правовое равенство, на уровне правовой идеологии, нормативного регулирования и юридических практик. Во-вторых, возможно аксиологическое понимание самих государственно-правовых закономерностей. Эту двойственность автор проиллюстрировал на примере трех закономерностей, характерных для современного права: 1) систематизация; 2) виртуализация; 3) интернационализация.

Профессор Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, доктор филос. наук Н.А. Бенедиктов и доцент кафедры философии и политологии Нижегородского ин-та управления РАНХиГС при Президенте РФ, канд. филос. наук Е.Н. Базурина сосредоточили внимание на *общих закономерностях государства, информации и общества*.

По мнению выступавших, Русское государство строилось на трех взаимосвязанных и взаимоподчиненных стволах-структурах. Первый ствол, лежащий на поверхности и бросающийся в глаза, включал в себя весьма жесткую исполнительную власть. Однако сами по себе жесткость и требовательность власти недостаточны. На самом деле исполнительная власть держится на втором стволе, уже сравнительно с первым – скрытом стволе народовластия. Но и этот ствол, в свою очередь, базировался на третьем и важнейшем стволе русской жизни – аксиологическом, или идеологическом. Он наиболее скрыт в тень, однако именно он и составляет тот своего рода консенсус, позволяющий русскому народу быстро собираться в единое целое. Речь идет по сути о том, что именно идейное, или аксиологическое, единство обеспечивало крепость Русского государства. Если размывалось это единство, то происходил “апокалипсис на-

шего времени”, по словам В.В. Розанова, т.е. государство с невероятной скоростью и внешне без видимых причин распалось. Размылось православие, и императорская Русь, и самодержавное государство в считанные дни на фоне предшествующих военных успехов развалилось. Размылась коммунистическая идеология, и в считанные дни сверхдержава СССР прекратила свое существование.

Сбор же державы происходит в обратном порядке: сначала единство ценностей, идейная целостность, а затем очень быстро восстанавливаются и другие стволы Русского государства. Так было в Смутное время, так было в 1917–1920 гг., похожие процессы происходят и сейчас. И главная задача построения современного государства – идеократическая.

Начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России, доктор филос. наук, доц. И.А. Треушников выступил на тему *“От закономерности к утопии: модели государственно-церковных отношений в философии всеединства”*.

Реконструкция политико-правовых воззрений представителей влиятельного направления в русской религиозной философии – философии всеединства (предметом рассмотрения стали прежде всего воззрения В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина) позволила автору сделать определенные выводы, непосредственно касающиеся проблемы государственно-правовых закономерностей. В.С. Соловьев и его идейные последователи в своем понимании реальности в целом и социальной, а равно политико-правовой реальности опирались на гегелевскую диалектическую триаду. Отталкиваясь от диалектической закономерности, наши философы приходят к построению утопических моделей, которые, кроме того, вступают в противоречие не только с социально-политической действительностью, но (в случае с В.С. Соловьевым) и с элементами религиозной конструкции. Это лишний раз подтверждает опасность перенесения на государственно-правовую сферу закономерностей предельно общего порядка. Скорее всего степень жизнеспособности той или иной модели нормативного регулирования взаимоотношений между политическими субъектами (каковыми являются государство и церковь) зависит от масштаба реализации интересов господствующего фактора. Полагаем, что если и можно говорить о каких-либо закономерностях объективного характера в сфере публично-властных отношений, то закономерностью будет выступать стремление обеспечить удовлетворение основного интереса. Основной интерес любой власти – сохранение власти.

Начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юрид. наук, проф. В.А. Толстик сделал доклад на тему *“Закономерности эффективного государственного управления”*.

Даже поверхностный анализ практики государственного управления, в том числе правового регулирования общественных отношений, отметил докладчик, позволяет обратить внимание на некоторую хаотичность, произвольность принимаемых управленческих решений, отсутствие сколько-нибудь определенного понимания глубинной детерминации, существующей между различными природными и социальными явлениями и процессами.

Между тем совершенно очевидно, что эффективно управлять обществом невозможно, если в процессе такого управления не учитываются законы (закономерности) природы и общества. Причем, в процессе государственного управления должны учитываться и законы природы, и законы общественного развития.

Тем не менее, как это ни парадоксально, закономерности общественного развития изучены крайне слабо, и еще в меньшей степени исследована их роль в государственном управлении, и в частности в правовом регулировании общественных отношений. Почему?

Дело в том, что в обществе, в отличие от природы, существует значительно более сложный механизм действия социальных закономерностей.

Человеческое поведение детерминировано большой совокупностью объективных и субъективных факторов. Поэтому для того, чтобы обеспечить эффективное государственное управление, необходимо изучать механизм действия не только каждой отдельной закономерности, не только их взаимное влияние друг на друга, но и их “поведение” в реальной социальной среде во всем ее многообразии и специфике. Только в этом случае можно рассчитывать на позитивную результативность.

В.А. Толстик подробно остановился на тех законах (закономерностях), которые, с его точки зрения, оказывают наиболее существенное влияние на эффективность государственного управления. В их числе: закономерность урегулированности и упорядоченности общественных отношений; закон обусловленности функций управления целями (задачами) системы; закон соответствия структуры функциям управления; закон оптимального соотношения интра (внутренних) и инфра (внешних) функций; закон соответствия целей и возможностей (закон ресурсной обеспеченности); закон устойчивости, стабильности правового регулирования; закон необходимого разнообразия; закон соотношения стимулов и антистимулов.

Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского гос. ун-та, доктор юрид. наук, доц. М.Л. Давыдова выступила на тему *“Закономерности как основа предмета теории юридической техники”*.

Проблема государственно-правовых закономерностей рассмотрена автором применительно к предмету конкретного научного направления – теории юридической техники, в последнее время претендующего на самостоятельный по отношению к общей теории права статус. Ее предметом признаются закономерности рациональной человеческой деятельности по созданию, толкованию и реализации права, которые (а) исследуются одновременно различными юридическими науками; (б) включают в свое число связи различного масштаба и сферы действия – универсальные и национальные, общие и специальные и т.д. Техничко-юридические закономерности представляют собой важнейшую, но не единственную составную часть предмета теории юридической техники. В круг исследуемых вопросов автор предлагает также включить правила профессиональной деятельности юриста. Правила и закономерности взаимосвязаны и дополняют друг друга. Правила могут быть эффективны, только если основаны на существующих закономерностях, а исследование закономерностей продуктивно постольку, поскольку дает возможность оценить действующие или предложить новые правила юридической техники. Включение двух этих составляющих в предмет науки позволяет обеспечить баланс сущего и должного в технико-юридических исследованиях. В итоге предмет теории юридической техники составляют закономерности и правила профессиональной деятельности по созданию, толкованию и реализации права.

М.Л. Давыдова рассматривает и конкретные примеры закономерностей (точнее, тенденций, так как речь идет о прогнозах на будущее) в развитии юридической техники в современном мире: унификация юридического языка, повы-

шение доступности юридической информации, увеличение дистанции между субъектами юридической деятельности, демократизация этой деятельности, “размягчение” права – его ориентация не на силу, а на разумность, авторитетность, общепризнанность правила.

Начальник кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России, доктор юрид. наук, проф. В.И. Шаров подготовил доклад на тему *“Предмет криминалистики как система закономерностей”*.

Идеальным состояние науки будет тогда, когда она, имея определенную совокупность сведений, позволит спрогнозировать конечное состояние описываемой ею области действительности. Естественнонаучные сущности можно описать физическими законами, но далеко не все закономерности правового характера, закономерности поведения людей (психологические, навыки), да даже и антропометрические, поддаются описанию с такой, как в физике, точностью.

А здесь, по мнению В.И. Шарова, наиболее интересен вопрос о глубине причинно-следственных отношений, т.е. чего больше в социально-деятельностных закономерностях: случайного или детерминированного. С одной стороны, наблюдая за точностью, с которой сегодня можно сформировать психологический портрет человека, довольно простыми процедурами тестирования определить различные черты личности, кажется, что остался один шаг до того, чтобы научиться прогнозировать поступки человека, понять и спрогнозировать механизм его действий. Начинает казаться, что многое в нашем мире предопределено. Просто мы не в состоянии сегодня учесть все факторы, влияющие на развитие события или поступок человека. Детерминанты на самом деле есть, но только мы их не видим.

Но, к сожалению, все обстоит значительно сложнее. Несмотря на кажущуюся методологическую простоту (найти фактор и описать, как он влияет на состояние изучаемой системы), задача установления четких причинно-следственных связей, порождающих внутренние закономерности предмета, представляется очень сложной, если вообще решаемой. Преступление, составляющее объект криминалистического исследования, является результатом человеческой деятельности, не укладывается в формально-дедуктивные схемы. Более того, здесь кроме естественнонаучных закономерностей, связанных с работой со следами и закономерностей поведенческого характера начинают работать правовые закономерности – закономерности системы материального и процессуального права, которые заложены в его структуру и содержание правовых норм.

Заместитель директора юридического ин-та Владимирского гос. ун-та им. О.Д. Столетовых, доктор юрид. наук, доц. Третьякова рассмотрела некоторые закономерности конвергенции права и закона.

Докладчица отметила, что один из важнейших видов внутренней юридической конвергенции – это сближение права и закона. На основании исследования специфики сближения права и закона она вывела закономерности данного процесса.

Прежде всего закономерна необходимость коррекции и контроля техники данного вида конвергенции, так как иногда закрепленное право фактически лишь формально декларируется, государство его не в силах обеспечить, например право на жизнь. Кроме того, конвергенция права и закона не исчерпывается правами и свободами. По мнению Третьяковой,

право, не выраженное в законодательстве, – это и некоторые нормы, по тем или иным причинам ставшие общеобязательными и в силу поддержки их определенными, как правило, высшими, должностными лицами (например, нормативные высказывания Президента, Председателя Правительства, отдельных министров). Не секрет, что исповедуемое криминальными элементами так называемое теневое право в силу проникновения их в органы законодательной власти может из “теневого” превратиться в реальное законодательство. Надо отметить и неравномерность конвергенции права и закона. Как показывает исторический опыт и анализ решений Европейского Суда по правам человека, возникает ситуация, когда общественное отношение внутри государства решается на основе законодательства, удаленного от права больше, чем международное право, что подрывает престиж государства и может быть лишь частично справедливым.

Заведующий кафедрой теории государства и права МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Т.Н. Радько в своем выступлении *“Система российского права: новые подходы к модернизации”* обратил внимание на то, что актуальной задачей современной российской юридической науки является дальнейшее исследование проблемы построения системы российского права, которая была предметом пристального внимания юристов на протяжении почти всего XX в.

Сегодня можно вполне обоснованно говорить о чрезмерной эксплуатации представителями юридической науки, в основном исследующими частные вопросы, понятия “отрасль права”. Они фактически размыывают сложившиеся к ней подходы, обосновывают существование все новых и новых отраслей права и бесконечно умножают их число, что, по существу, обесценивает значение категории “отрасль права”. Сегодня предложено более 60 новых отраслей права. Это почти в два раза больше, чем учетных отраслей законодательства.

Возникает вопрос: идет ли сегодня углубление, развитие учения о системе права, об отраслях права, о критериях их классификации, или, напротив, мы все больше и больше заходим в тупик? Речь идет не об исключительной новизне аргументов в пользу той или иной рожденной авторским воображением отрасли права, а о появлении буквально экзотических идей. Например, предлагается считать самостоятельными отраслями российского права лечебно-исправительное право, служебное право, профсоюзное право, право устойчивого развития, право прав человека, право Интернета и т.д. По мнению Т.Н. Радько, причины этого – пристрастное отношение авторов к теме своего исследования, авторские амбиции, стремление доказать “новизну” вносимых предложений. В то же время в этих исследованиях в большинстве случаев глубокий и объективный анализ положений общей теории права об отраслях, институтах и о системе права отсутствует. Здесь необходим взвешенный подход.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, канд. юрид. наук А.В. Парфенов посвятил свое выступление *проблеме генезиса компромисса в праве как специфической закономерности развития государственно-организованного общества*.

По мнению А.В. Парфенова, возникновение феномена компромисса носит объективный характер, так как базируется на ключевых законах жизни и развития общества. Начиная с эпохи первобытного общества, дифференциация интересов и потребностей людей обуславливала возникновение конфликтов и противоборства. Их постоянное давление, с одной стороны, и естественное для любого человека желание вы-

жить, обезопасить себя, продолжить свой род, сделать поведение окружающих понятным и предсказуемым – с другой, заставили общество видеть главное взаимодействие в компромиссе. В этой связи возникновение компромисса может рассматриваться в качестве особой социальной закономерности. Как подчеркнул в своем выступлении А.В. Парфенов, возникновение компромисса имеет универсальный характер, наблюдается повсеместно и не ограничивается принадлежностью к конкретному народу, социальной группе.

В государственно-организованном обществе можно наблюдать сохранение и укрепление позиций компромисса. Оптимизация государства и его институтов традиционно рассматривалась сквозь призму проблемы совершенствования права. В этой связи логичным и предсказуемым шагом явилась попытка закрепления компромиссных начал в действующем законодательстве. То, что полезно и выгодно для государства, находит отражение в праве. Высокая социальная значимость компромисса обусловила включение его в правовую сферу и придание ему юридической окраски. Генезис компромисса в праве в той или иной мере наблюдается в любом государстве при достижении определенного уровня развития общества, законодательства, юридической науки и техники.

Заместитель начальника Владимирского юридического ин-та ФСИН России, доктор юрид. наук, проф. Р.Б. Головкин выступил на тему *“Юридическое противодействие как внешнее проявление некоторых государственно-правовых закономерностей”*.

В результате проведенного исследования Р.Б. Головкиным установлено, что юридическое противодействие – это закономерный, отраженный в законодательстве комплекс правомерных действий и мероприятий, направленный на преодоление социально-негативных явлений, либо комплекс противоправных действий, направленных против существующего правопорядка.

Юридическое противодействие является реакцией на определенные закономерности. В связи с постоянством, устойчивостью противодействия оно само приобретает черты государственно-правовой закономерности. Кроме того, проведенный анализ позволил отметить еще ряд обстоятельств, характеризующих особенности закономерностей юридического противодействия.

Во-первых, противодействие социально-полезным и социально-нейтральным явлениям порождает ответное противодействие и переводит деяния из социально-нейтральных, и/или полезных в формально социально-вредные деяния. Во-вторых, если деяние (отношение) закономерно и естественно, то попытки противодействовать ему со стороны государства, как правило, не приносят успеха. В-третьих, противодействие со стороны должностных лиц государства деяниям мнимо негативно-закономерным, но формально подобным негативно-закономерным являет собой избыточное противодействие, которое может становиться социально-опасным. В-четвертых, согласно проанализированным нормативно-правовым актам субъектами позитивного противодействия могут выступать государство в целом, государственные органы, должностные лица, отдельные граждане и их организации. Субъекты негативного противодействия – это только должностные лица, граждане и их организации. В-пятых, методы позитивного противодействия проявляются в виде установленных в законодательстве дозволений, обязываний, запретов, поощрений, рекомендаций. Методы негативного противодействия корреспондируют с мерами, установленными законодательством, и проявляются в деяниях, прямо или

косвенно противоречащих правовым предписаниям. В-шестых, обозначаемое в нормативно-правовых актах “негативное противодействие” – это один из способов позитивного противодействия. В-седьмых, из анализа норм, фиксирующих формы юридического противодействия, можно заключить, что противодействие негативным социальным закономерностям содержится и в других нормативно-правовых актах, не использующих прямо термин “противодействие”, но включающих некоторую детализацию и конкретизацию мер, направлений и форм противодействия.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического ин-та Владимирского гос. ун-та, канд. юрид. наук В.В. Мамчун рассмотрел *взаимосвязь закономерности, случайности и риска в правовом регулировании*.

По его мнению, риск генетически и логически связан с правом, поскольку именно право служит цели защиты общественных благ от различных угроз, совокупность которых в обществе интерпретируется как риск, понимаемый как возможность зла социальным благам, и выступает закономерным онтологическим основанием права в обществе. Связь риска с правом многоаспектна. Риск выступает важнейшим фактором правового развития. Для эффективного противостояния социальным рискам право должно быть адекватно новому состоянию общественных отношений.

В числе главных факторов риска в правовом регулировании – объективная ограниченность правотворческого познания и сложность его объекта – общественных отношений, подлежащих нормативно-правовой регламентации. В силу этого не всегда удается познать подлинные закономерности общественного развития и на этом знании сформировать социально-адекватные нормы.

Не менее важную роль в детерминации риска играют факторы субъективного порядка, и в частности знание о закономерностях, действующих в государственно-правовой сфере. Практика правотворческой деятельности приводит немало примеров того, как законодатель недоучитывает или прямо игнорирует не только правовые, но и естественно-природные закономерности. Это, в свою очередь, закономерно влечет возникновение рисков в общественных отношениях, составляющих предмет законодательного урегулирования.

В известной степени недоучет закономерностей законодателем в правовом регулировании обусловлен состоянием изученности государственно-правовых закономерностей самой юридической наукой. Это связано с наличием неопределенности в вопросе о государственно-правовых закономерностях. В связи с этим следует обратить внимание на недопустимость отождествления закона и закономерности. Закон – объективная, устойчивая, повторяющаяся, существенная связь, лежащая в основе правового бытия и, самое главное, определяющая, детерминирующая связь. Именно она и определяет закономерность (повторяемость, регулярность) государственно-правовых явлений (связей между ними). Закономерность же – форма проявления действия определённого закона в конкретных обстоятельствах, на конкретном участке государственно-правовой действительности. Нет однозначности и в трактовке видов государственно-правовых закономерностей, отсутствует описание конкретных закономерностей. В связи с этим закономерным шагом должны стать выявление конкретных законов государственно-правовой реальности, описание и систематизация конкретных закономерностей, проявляющих законы государства и права на разных этапах и участках правового регулирования, в разных элементах правовой системы общества.

Начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Харьковского национального ун-та внутренних дел, доктор юрид. наук, доц. В.А. Серёгин сосредоточил внимание на основных закономерностях формирования и развития конституционного права на неприкосновенность частной жизни (прайвеси).

Право на неприкосновенность частной жизни крайне “технологично” по своей природе: его становление и развитие неразрывно связаны с научно-техническим прогрессом, и каждое новое открытие или изобретение закономерно порождает новые вызовы для данного права. Так, формирование доктрины прайвеси и его первоначальное отражение в судебной практике в конце XIX – начале XX в. обусловливались необходимостью противодействия посягательствам на неприкосновенность частной жизни, связанным с использованием мгновенной фотографии и аудиозаписи. Дальнейшими вехами на этом пути во второй половине XX в. стали видеонаблюдение и компьютерные технологии. В начале XXI в. на первый план защиты прайвеси вышли проблемы, порожденные созданием глобальных информационных сетей и космических систем слежения, научными достижениями в области генетики, косметической хирургии, трансплантации органов и т.д.

Вместе с расширением круга угроз неприкосновенности частной жизни закономерно увеличивается объем и усложняется структура прайвеси. Так, по аспектам частной жизни различают право на физическую (телесную), фонетическую (звуковую), визуальную (зрительную), одорологическую (запаховую), географическую (дислокационную) и информационную приватность. В свою очередь, по состояниям приватности прайвеси включает в себя право на уединение (личную автономию), интимность (ограниченное и защищенное общение), анонимность (быть неузнанным), несдержанность (эмоциональное освобождение), автономность (регулятивно-волевою автономию), секретность (тайны частной жизни). Наконец, по измерениям прайвеси предусматривает право на пространственную приватность (собственное физическое пространство) и временную приватность (время для частной жизни). С развитием общества и появлением новых научных открытий объем и структура прайвеси будут и дальше закономерно возрастать.

Заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф. С.В. Максимов выступил на тему “Уголовно-правовая политика: уроки и нереализованные идеи”.

Многочисленные изменения, которые были внесены в действующий УК РФ с момента его вступления в силу, по мнению С.В. Максимова, вряд ли можно оценить как позитивные в сумме.

Среди всех относительно реалистичных моделей развития уголовного законодательства России нужно выделить (по меньшей мере) две модели: консервативную модель, предполагающую сохранение рамок существующего конституционно-правового поля, и авангардную модель, перспективы реализации которой предполагают внесение изменений в Конституцию РФ.

Наиболее важной краткосрочной целью для консервативной модели развития национального уголовного законодательства, считает выступавший, является повышение единообразия и эффективности правоприменения. В консервативную модель развития уголовного законодательства вполне укладывается принятие в отдаленной перспективе (через 10–15 лет) нового федерального УК.

Разработка такой модели должна осуществляться с участием не только юристов, в том числе криминологов, но и философов, социологов, экономистов, психологов, специалистов в области медицины, возможно, генетики. В рамках реализации данной модели должны быть обсуждены все “плюсы” и “минусы” таких идей, как: 1) “большой УК”, наподобие Уложения о наказаниях уголовных исправительных 1845 г., в котором было более 2 тыс. статей; 2) Военно-уголовный кодекс, целесообразность его разработки вытекает из смысла ч. 3 ст. 331 УК РФ; 3) Кодекс уголовных проступков, который вполне может быть “внедрен” в структуру единого кодифицированного акта; 4) уголовная ответственность для юридических лиц; 5) определение в отдельной главе Общей части УК группы основных оценочных понятий; 6) закрепление в УК общих и специальных правил квалификации преступлений; 7) “перенос” в Общую часть УК санкций всех уголовно-правовых норм, закрепленных ныне в статьях его Особенной части; 8) замена относительно определенных санкций с множеством альтернативных наказаний абсолютно определенными с единственной альтернативой; 9) возвращение в УК составов преступлений с административной प्राюдицией.

Все перечисленные выше идеи (включая впервые сформулированные) вне зависимости от их принадлежности к “консервативной” или “авангардной” модели реформирования уголовного законодательства должны рассматриваться в контексте общих закономерностей развития права и государства в обозримой перспективе.

К числу таких закономерностей С.В. Максимов относит естественную тягу права к сверхкодификации. Применительно к нашей стране речь может идти о Своде законов, но не как лишь о тематически и хронологически систематизированном их собрании, а как о “кодексе кодексов”.

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Нижегородского ин-та менеджмента и бизнеса, доктор юрид. наук, проф. С.В. Изосимов выступил с докладом “Незакономерные закономерности” в процессе правотворчества в сфере уголовно-правовых отношений (На примере отдельных норм Особенной части УК РФ)».

Юридической общественности достаточно хорошо известно то огромное значение, которое придается качеству нормативных установлений, находящихся свое отражение в различных законах. Особую актуальность проблема качества соответствующих нормативных предписаний приобретает в сфере регулирования уголовно-правовых отношений. Именно этой проблеме посвятил свое выступление С.В. Изосимов, отметивший, что несмотря на важность общественных благ, которые подвергаются воздействию при совершении преступлений, и тех правовых последствий, которые сопровождают процесс оценки криминального и посткриминального поведения лиц, виновных в их совершении, законодатель не всегда следует закономерностям, определяющим правила технико-юридического конструирования уголовно-правовых норм и размещения их в структуре УК, что, безусловно, отражается на качестве данных норм и уголовного закона в целом. К числу “классических” недостатков, которые нередко сопровождают законотворческий процесс, ученый относит: во-первых, нарушение принципов унификации норм об ответственности за “родственные” преступления (яркий пример этому – нормы гл. 23 и 30 УК); во-вторых, излишнюю казуистичность отдельных нормативных установлений, закрепленных в действующем УК РФ (например, ст. 1411, 1855 УК и др.); в-третьих, нарушение принципов распределения норм, предусматривающих ответственность за различные преступле-

ния, по соответствующим разделам и главам УК в зависимости от объекта посягательства (например, ст. 1591–1596 УК); в-четвертых, отступление от принципа дифференциации ответственности за деяния, отличающиеся различной общественной опасностью (например, ст. 285 и 286 УК); в-пятых, включение в материальное право процессуальных норм (например, прим. 2 к ст. 201 УК); в-шестых, пробельность уголовного законодательства (например, отсутствие в гл. 23 УК составов превышения полномочий лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, и халатности); в-седьмых, включение в УК “мертворожденных” норм (например, ст. 287 УК). Преодоление этих “незакономерных закономерностей” законодательского процесса, по мнению выступавшего, будет способствовать повышению качества уголовно-правовых предписаний и содействовать более эффективному их применению на практике.

Профессор Нижегородского гос. ун-та, доктор юрид. наук Г.Н. Горшенков рассмотрел *проблему взаимодействия коррупции и антикоррупции*.

В противодействии коррупции проявляется закономерность: с одной стороны, борьба за торжество справедливости и закона; с другой – негодование от несправедливости и беззакония.

Казалось бы, например, что плохого в том, чтобы каждый факт коррупции предавать гласности, как того требует закон. Это, безусловно, работает на упомянутое торжество закона. Но, как говорят в народе, “заставь (кого-то) Богу молиться, он и лоб расшибёт”. Ещё худшая беда в том, что для твёрдого лба это не страшно. Такая смелость во многом и порождает закономерность, которую специалисты в области (криминологии) массовых коммуникаций называют “эффектом бумеранга”. Надо сказать, в этой сфере противодействия (где наблюдается сдержанное отношение к науке) возникают и другие, дисфункциональные эффекты, т.е. когда некорректное выполнение определённой функции выступает её противоположностью.

Это обстоятельство можно объяснить большей частью методологическим подходом. В одном случае мы имеем дело с традиционным, линейным, или двухполярным, подходом, который предполагает только две крайности – чёрное и белое, где промежуточная, переходная стадия игнорируется. Так, утверждается: коррупция (зло) и антикоррупция (добро). Иного не дано. И эти крайности обречены на борьбу. Вечность этой борьбы определяет другой, нелинейный, или синергетический, подход, при котором борьба представляется одним из видов взаимодействия. Другим видом можно определить компромисс как относительно мирное сосуществование коррупции и антикоррупции, например в предусмотренном законом случае деятельного раскаяния лица, совершившего коррупционное преступление.

Такова объективность человеческого отношения к социальному явлению, кстати, им же, человеком, и выдуманному, т.е. теоретически сконструированному определённую форму реальности.

Профессор кафедры трудового и финансового права Ярославского гос. ун-та, доктор юрид. наук М.В. Лушников выступила с докладом *“Закономерности и тенденции развития современного трудового права (общее и особенное)”*.

Автором были выделены следующие основные закономерности и тенденции развития современного трудового права.

1. Признание общезначимости трудовых прав, четко прослеживающейся с начала XX в. На сегодняшний день данная закономерность находит проявление в тенденции смещения ценностных приоритетов в содержании трудовых прав в сферу обеспечения всестороннего развития личности.

2. Приоритет международных стандартов трудовых прав можно рассматривать как правовую закономерность в регулировании трудовых отношений. В основе этой закономерности лежит международная универсальная концепция прав человека. Рассматриваемая закономерность связана с возрастанием роли общепризнанных принципов и норм международного права в условиях глобализации.

3. Ещё одна из важнейших правовых закономерностей развития трудового права обусловлена частно-публичной природой трудового права. Этой правовой закономерностью является обеспечение средствами трудового права необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений (работников и работодателей), интересов государства. В начале XXI в. указанная закономерность проявляется в тенденции усиления гибкости (дифференциации и индивидуализации) в правовом регулировании трудовых отношений в сочетании с обеспечением трудовых прав работника (концепция гибкой стабильности).

Профессор Владимирского гос. ун-та, доктор юрид. наук А.В. Аверин в своем выступлении на тему *“Соотношение правосудия и судопроизводства как проявление государственно-правовой закономерности”* пришел к выводу, что одной из правоприменительных закономерностей следует признать наличие связи между степенью тождественности содержательной стороны “правосудия” и “судопроизводства”, с одной стороны, и степенью зависимости судебной власти от исполнительной власти государства – с другой. Эта связь обратно пропорциональна: чем выше степень зависимости, тем меньше степень тождественности.

Судопроизводство и правосудие – не тождественные понятия. Судопроизводство может быть как правосудным, так и неправосудным. Фундаментом судопроизводства является процедура. Основой правосудия – право. При судебном разбирательстве сосуществуют объективный и субъективный факторы, любой из которых полностью исключить невозможно. Соотношение этих факторов может служить одним из критериев оценки правосудности судопроизводства. Правосудие предполагает доминирование объективного фактора, каковым является право, над субъективным. Доминирование субъективного фактора в процессе судебного разбирательства (свободное судебское усмотрение, предвзятость, произвол и т.п.) – благодатная почва неправосудного судопроизводства.

Предсказуемость судопроизводства и предсказуемость правосудия – не тождественные понятия. Например, при обвинительной деформации профессионального сознания правоприменителя (что характерно в основном для тоталитарных, полицейских, антидемократических государств со слабо развитыми общественными институтами) предсказуемость судопроизводства очевидна, тогда как правосудие является непредсказуемым. В таких условиях правосудный судебный акт появляется скорее не благодаря статус-кво, а вопреки ему, как результат благоприятного стечения обстоятельств, а не как закономерный итог судопроизводства.

Таким образом, судебное правоприменение является лакмусовой бумагой государственной правовой политики,

с помощью которой проявляются истинные начертания её смысла и значения.

Заведующий кафедрой конституционного и административного права НОУ ВПО “Нижегородская правовая академия” (Институт), канд. юрид. наук, доц. К.В. Каргин в своем выступлении акцентировал внимание на *закономерностях формирования убеждения адресата юридической аргументации*.

В систему государственно-правовых закономерностей К.В. Каргиным отнесены закономерности формирования убеждения адресата юридической аргументации. Проанализировав понятийный аппарат закономерностей в праве, он формулирует дефиницию понятия “закономерности формирования убеждения адресата юридической аргументации”. Под ними понимается ряд зависимостей между систематически повторяющимся воздействием на адресата юридической аргументации совокупности взаимосвязанных факторов, предопределяющих возможность формирования у него убеждения о правильности или неправильности позиции субъекта юридической аргументации, и собственно наступлением данного результата.

К закономерностям формирования убеждения адресата юридической аргументации отнесены: 1) чем выше степень заинтересованности адресата юридической аргументации в восприятии и усвоении правовых доводов, тем детальнее и качественнее анализируется получаемая информация; 2) уверенность изложения собственной правовой позиции с большей степенью вероятности говорит о её правильности и внутренней обоснованности; 3) убедительность субъекта юридической аргументации зависит от степени доверия к нему адресата аргументации; 4) чем более компетентен субъект юридической аргументации, тем убедительнее звучат его аргументы; 5) сильные и качественные аргументы более убедительны, чем слабые аргументы или отсутствие аргументов; 6) привлекательность субъекта юридической аргументации может стать весомым фактором в формировании убеждения, если доводы имеют примерно одинаковую силу, и иные. Вместе с тем К.В. Каргин не отрицает и возможности случайностей при формировании убеждения адресата юридической аргументации. В результате, от того, что выглядит закономерным, адресат юридической аргументации абстрагируется в силу влияния определенных факторов. Знание закономерностей формирования убеждения адресата юридической аргументации способствует повышению качества самой юридической аргументации.

Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Астраханского филиала Саратовской гос. юридической академии, канд. юрид. наук, доц. И.В. Петели-

на и старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права того же филиала академии А.А. Кушенко посвятили свое выступление *государственно-правовым закономерностям формирования механизма правового регулирования корпоративных отношений в России*.

Авторы исходят из того, что специфика локальных норм, регулирующих корпоративные отношения, актов реализации права и механизма правового регулирования в России в целом обусловлена закономерностями его формирования в условиях централизации власти; недостаточного развития корпоративной демократии, доминирования крупных собственников, сращивания банковского капитала и промышленности, формирования олигархических структур.

Особенностями норм корпоративного права являются: соотношение в них частного и публичного, централизованного и локального, императивного и диспозитивного регулирования. Внутреннее нормотворчество, будучи направлено на регулирование корпоративных отношений, исходит из необходимости конкретизации общего правового массива, определяющего поле деятельности корпораций. Специфика локального регулирования закономерно обуславливает особенности корпоративных правоотношений, связанных с объединением финансовых ресурсов и личных усилий субъектов, направленных на управление и ведение дел корпорации и урегулированных нормами как чисто корпоративными, локальными, так и централизованными и характеризующимися преимущественно саморегуляцией. Закономерным результатом деятельности субъектов по обеспечению своих частных интересов являются акты реализации прав и обязанностей участников корпоративных отношений, детализирующие и развивающие правовые нормы, переводящие предписания закона в конкретную жизненную ситуацию, что должно обеспечивать баланс и соблюдение интересов участников корпоративных отношений.

В условиях интенсификации развития локального регулирования исследование государственно-правовых закономерностей формирования отечественного механизма правового регулирования позволит выявить его природу и особенности, координировать процесс саморегулирования с учетом централизованного регулирования, стабилизировать развитие корпоративных отношений в различных отраслях экономики.

Обзор материалов конференции подготовил В.А. Толстик, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юрид. наук, проф. (E-mail: tolstikva@mail.ru)